

А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков

Командировки московских историков в европейские университеты XIX века*

Система подготовки профессоров в университетах Российской империи XIX в. включала заграничные командировки — пребывание, как правило в течение двух лет, в одном или нескольких европейских университетах, где российские ученые могли слушать лекции или заниматься собственными научными исследованиями¹. Эта система окончательно сложилась в 1860-х гг.², хотя значительное количество командировок имело место и раньше, во второй четверти XIX в., что было связано с существованием специальных программ подготовки Профессорского института в Дерпте, Главного Педагогического института в Петербурге и др.³

При этом в Московском университете заграничные командировки для будущих профессоров организовывались практически с момента его основания, т. е. с середины XVIII в., а также регулярно происходили в течение всего царствования Александра I⁴. В европейские университеты из Москвы посылали преимущественно представителей естественных наук, будущих ученых-врачей и филологов. Первые историки Московского университета отправились в заграничные командировки только в 1830-х гг. Начиная с этого времени данная практика продолжалась непрерывно в течение всего XIX в.

Можно выделить более десятка русских историков, учившихся или преподававших в Московском университете, которые за период с 1830-х до 1890-х гг.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048; <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

с научными целями приезжали в различные европейские научные центры — М. П. Погодин в 1835 г., Т. Н. Грановский в 1836–1839 гг., С. М. Соловьев в 1842–1844 гг., П. Н. Кудрявцев в 1845–1847 гг., С. В. Ешевский в 1859–1861 гг., В. И. Герье в 1862–1865 гг., П. Г. Виноградов в 1875–1876 гг., Н. И. Кареев в 1877–1878 гг., М. С. Корелин в 1885–1887 гг., Р. Ю. Виппер в 1885–1886 гг., П. Н. Ардашев в 1896–1898 гг., С. А. Котляревский в 1897–1899 гг. В представленной статье на их примерах поставлена задача проследить эволюцию такого института научной подготовки историков, как заграничная командировка в ее различных аспектах (организационном, содержательном и т. д.), а также оценить, насколько эти командировки влияли на установление взаимосвязей между российской и западноевропейской исторической наукой.

Сам характер заграничной командировки московских историков претерпел за XIX в. значительные изменения, и это хорошо видно уже при сравнении процессов организации поездок. Первоначально они представляли собой совершенно отличные друг от друга казусы, причем сама необходимость командировать русских ученых-историков за границу каждый раз требовала особого обсуждения и обоснования.

Это хорошо демонстрирует уже первый случай: попытка командировать в немецкие университеты магистра Московского университета М. П. Погодина в начале 1826 г. Рассмотрение этого дела происходило в эпоху непосредственно после восстания декабристов и в период роста национального движения в немецких университетах после Вартбургского праздника 1817 г. Поэтому при рассмотрении вопроса в Комитете министров князем А. Н. Голицыным было сформулировано мнение: «Нет пользы посылать сего магистра в чужие края для окончания наук по нынешним обстоятельствам, а удобнее в Университете можно дать то образование, которое Правительству угодно будет», и именно это мнение утвердил император Николай I⁵.

Погодин все же смог побывать в немецких университетах (первым из историков Московского университета) в августе — сентябре 1835 г., но контекст организации его поездки был уже совершенно иным. При введении в действие нового общеуниверситетского Устава 26 июля 1835 г. впервые образовывалась отдельная кафедра русской истории, для которой в Московском университете предназначался Погодин, до того преподававший всеобщую историю, географию и статистику. От министра народного просвещения С. С. Уварова он получил поручение: прежде чем занять новую кафедру, посетить с научными целями основные немецкие университеты⁶.

Образовавшаяся при этом в Московском университете вакансия по кафедре всеобщей истории также потребовала для ее заполнения прямого участия высшего начальства, т. е. попечителя Московского учебного округа и министра. Осенью 1835 г., в рамках той же волны реорганизации кафедр, попечитель граф С. Г. Строганов сделал предложение отправиться на стажировку в Германию выпускнику Петербургского университета Т. Н. Грановскому (благодаря

рекомендации его друзей)⁷. Министр одобрил это предложение, согласившись присоединить Грановского к уже сформированной тогда группе выпускников Главного педагогического института, которых посылали в Берлинский университет. Исключительный характер командировки подчеркивался тем, что жалование Грановскому должен был выплачивать напрямую Департамент народного просвещения, а Московский университет впоследствии соглашался компенсировать эту сумму министерству⁸.

Еще более нестандартным образом смог попасть в заграничную поездку С. М. Соловьев. И здесь решающую роль сыграл граф С. Г. Строганов. В тот момент он не имел формального права отправить из Московского университета в командировку для подготовки к профессуре подающего большие надежды молодого исследователя, специализирующегося по русской истории, ибо эту кафедру по-прежнему занимал Погодин. Тогда Строганов рекомендовал Соловьева по окончании университетского курса своему брату, графу А. Г. Строганову, семья которого собралась в длительную поездку за рубеж. Именно в качестве домашнего учителя Строгановых Соловьев путешествовал два года, посещая крупнейшие немецкие и французские научные центры.

Не вполне регулярным, а напротив, возникшим по конкретному поводу можно назвать и формат организации ученой командировки П. Н. Кудрявцева: его кандидатура (за которую через Строганова хлопотал Грановский) была включена в группу из одиннадцати молодых ученых, окончивших университеты в Москве и Киеве, которая отвечала реализованной Уваровым в 1843 г. новой инициативе по подготовке русских профессоров за границей⁹. Финансирование командировки осуществлялось из бюджета университета. Однако отъезд Кудрявцева за границу задержался из-за его затянувшейся процедуры защиты магистерской диссертации, и молодой историк смог отправиться в Берлинский университет только весной 1845 г.

Наконец, и С. В. Ешевский, перешедший после смерти П. Н. Кудрявцева с кафедры русской истории Казанского университета на кафедру всеобщей истории Московского университета, добился двухлетней заграничной командировки в 1859 г. не каким-либо регулярным образом, а по причине слабого здоровья, требовавшего лечения в Европе¹⁰.

Ситуация изменилась в эпоху Великих реформ, затронувших и высшее образование. Решающее значение здесь имело полученное министром народного просвещения А. В. Головниным от императора Александра II в марте 1862 г. разрешение на регулярные заграничные командировки для приготовления молодых ученых к должностям профессоров¹¹. Сразу вслед за ним была сформирована большая группа из более чем восьмидесяти стипендиатов для отправки преимущественно в немецкие университеты, среди которых был и готовившийся занять кафедру всеобщей истории в Московском университете В. И. Герье.

В развитие этого института регулярных стажировок 27 марта 1867 г. появились высочайше утвержденные «Правила», согласно которым были сформулированы определенные требования к командируемым лицам (в частности, наличие магистерской диссертации или по крайней мере сданных в университете магистерских экзаменов или опыта преподавания в звании приват-доцента). Ведущую роль в выборе конкретных кандидатур играло уже не Министерство народного просвещения, а Совет университета (по представлению советов факультетов). Для историков важную роль играло следующее положение «Правил»: рекомендовать к заграничной стажировке можно было только по тем кафедрам, «на которые нельзя окончательно приготовиться в русских университетах; прочих же готовить в русских университетах под руководством профессоров». Это означало фактический запрет на командирование специалистов по кафедре русской истории. Также четко был установлен максимальный срок командировки — два года¹².

«Правила» от 27 марта 1867 г. сохранили свою силу и после университетской реформы 1880-х гг. (а фактически были переутверждены министерским циркуляром от 21 мая 1884 г.)¹³. На примере историков Московского университета видно, как эти «Правила» претворялись в жизнь на практике: за три с лишним десятилетия, протекавшие до конца XIX в., в соответствии с ними было командировано шесть молодых ученых, представлявших только кафедру всеобщей истории. Все они были учениками профессора В. И. Герье. Четверо из них отправились за границу после успешной сдачи магистерских экзаменов и во время командировки собирали материалы для будущей магистерской диссертации. Исключение здесь составили П. Г. Виноградов и Р. Ю. Виппер, целью пребывания которых в заграничных университетах была подготовка к сдаче магистерских экзаменов в Московском университете — соответственно, они не имели права на получение стипендии от Министерства и отправились в Европу на частные средства (хотя и с ведома университета). Срок пребывания за границей составлял один или два года, но он оказывался достаточным для достижения значительных научных результатов.

Однако не только организация командировок историков Московского университета претерпела за XIX в. значительную эволюцию, различался также и выбор маршрута поездок. Среди всех немецких университетов наибольшее значение для подготовки историков имел Берлинский, хотя его конкретная роль в этом процессе менялась.

В период первых поездок, 1830–1840-е гг., Берлин, овеянный философской славой Г. Ф. Гегеля и Ф. В. Шеллинга, пользовался особой притягательностью для московской интеллектуальной среды. Это, в частности, отразили отчеты М. П. Погодина о его командировке, публиковавшиеся в 1835–1836 гг. в «Журнале Министерства народного просвещения», где молодой профессор рисовал широкую картину университетского преподавания: «Берлинский Университет считается теперь одним из первых университетов в Германии; и в самом деле,

нигде нет столько ученых знаменитостей, как здесь. <...> Преподавателей считается, кажется, с лишком 150. Одну и ту же науку читают пять, шесть человек, смотря по тому, кто какую ее часть обработал. Можно трудиться с успехом!»¹⁴

При этом в данный период на первом плане всегда находилось изучение философии (включая сюда и философию истории), которое особенно важным оказалось для Т. Н. Грановского. Он не только слушал лекции, но и лично познакомился с молодым профессором К. Вердером, с которым вел приватные беседы, касавшиеся «Науки логики» и «Философии права» Гегеля¹⁵. А среди берлинских профессоров-историков Грановского сразу привлекли курсы К. Риттера и Л. Ранке, отмечая у последнего «светлые, живые, поэтические взгляды на науку»¹⁶. Именно Л. Ранке с глубоко научной точки зрения обосновал применение критики исторических источников и развивал эти методы в собственном научном семинаре в Берлинском университете — в нем принимал участие и Грановский. Главной же ценностью для Грановского стало не только огромное количество специальных трудов по истории, дающих возможность прояснить тот или иной вопрос исторического процесса («Здесь, право, нельзя не учиться; средств столько, что стыдно ими не пользоваться»¹⁷), но и сам дух науки, идея служения ей.

В 1840-е гг. Грановскому вторил его ученик П. Н. Кудрявцев: благодаря созданной инфраструктуре науки в Берлине можно сделать «вдвое больше сравнительно с тем, что делал в Москве», в такой мере все здесь — от организации учебного процесса до работы библиотеки — максимально удовлетворяет потребностям студентов как исследователей, участников научного поиска, так что «едва ли есть место более удобное для ученых занятий». И для Кудрявцева теоретические занятия находились на первом месте: «Да и нельзя здесь не заниматься философией: здесь она в самой атмосфере. В Берлине как надобно каждый день обедать, так надобно заниматься философией»¹⁸. Он был восхищен преподаванием Ф. В. Шеллинга, мысль которого, по выражению русского ученого, была «светла как день», а также лекции Вердера и Ранке.

Опыт погружения в берлинскую науку воспринимался в данный период как важнейшее условие подготовки для русского профессора-историка, а нехватка этого опыта считалась большим недостатком. Таков был случай С. М. Соловьева, который хорошо понимал, насколько отсутствие в его путешествии длительного пребывания в Берлине может негативно сказаться на университетской карьере в Москве. В письме к родителям из-за границы Соловьев ясно подчеркивал это его отличие от круга Грановского: «Молодые (теперь уже старые) профессора, т. е. немецкая партия, не может быть расположена ко мне... не могут уважать моих достоинств, ибо я оканчиваю курс не в Берлине — по их мнению, средоточии всей премудрости»¹⁹.

Однако постепенно Берлинский университет перестал казаться из России центром всех научных сил Германии, и наряду с ним начал выступать Гейдельбергский университет, тяготение к которому постепенно росло. Так, в пред-

ставлении попечителя Киевского университета 1843 г., посвященном подготовке профессоров истории и политической экономии, говорилось, что «главным пунктом своего пребывания образующийся имеет избрать Берлин, но смотря по распорядку преподавания предназначаемых ему наук в обоих университетах, может переехать в Гейдельберг», а наряду с корифеями берлинской науки, у которых необходимо учиться русским ученым (Раумером, Ранке, Риттером, Шталем), в представлении назывались и имена гейдельбергских профессоров К. Г. Рау и Ф. К. Шлоссера²⁰.

На значение трудов и лекций Шлоссера для подготовки историков еще в 1835 г. впервые обратил внимание М. П. Погодин, который выбрал Гейдельберг одним из важных мест для посещения, упоминая, что Шлоссер много работал в архивах и «не указывает ни одну книгу, которой бы не перечел от доски до доски»²¹. А спустя двадцать лет С. В. Ешевский начинает свое обучение с Гейдельберга, желая «взять с путешествия все, что возможно, и заниматься только тем, чем можно заниматься только здесь». Он стремился послушать лекции престарелого Рау (находившегося на закате своей профессорской карьеры), а также более молодых гейдельбергских профессоров-историков, учеников Шлоссера. Ешевский уже не тратил столько времени на философские и общенаучные курсы, а предпочитал собственно исторические. Так, он выбрал курс Л. Гейссера по новой истории, который ему показал, каким образом профессор может читать импровизированно, без готового текста лекций, но так, чтобы постороннему слушателю они казались мастерски обработанными. Позже в Гейдельберге Ешевский посещал уже вполне специализированные курсы профессора К. Б. Штарка, крупнейшего антиковеда и основателя университетского Археологического института, посвященные древнегреческой истории и искусству.

Поэтому для Ешевского восприятие Берлинского университета, где он оказался позже, происходило «на фоне Гейдельберга». Историк выделил его простоту и доступность, но не был восхищен каким-либо особым научным духом, которым уже успел пропитаться ранее. В Берлине Ешевский сосредоточился в основном на историках и филологах-классиках, но некоторые из профессоров — даже пользовавшиеся заслуженной научной славой — не удовлетворяли его по своему историческому содержанию. Самым блестящим профессором университета Ешевский называет пятидесятилетнего И. Г. Дройзена, недавно переведенного в Берлин из Йены. Ешевский стал первым из русских историков, которые учились у Дройзена и могли воспринимать сформулированные им методологические основания «немецкой исторической школы» — в частности, новые научные понятия (например, эллинизм), широкие исторические сопоставления (сравнения объединения Греции под властью Македонии и политических процессов в Германии XIX в.), внимание к идеям свободы и национальной независимости, которые развиваются путем революций²².

Когда же в Берлинский университет в 1862 г. приезжает В. И. Герье, тот вызывает у него двойственное впечатление. Ему удалось одновременно послушать звезд европейской исторической науки, принадлежавших к разным поколениям. Слегка разочаровавшись от занятий уже весьма престарелого Ранке, Герье зато имел возможность посетить лекции Дройзена по политической истории XVIII в. Особенно Герье интересовала деятельность великого немецкого историка-антиковеда, реформатора изучения римской истории Т. Моммзена, который находился тогда в расцвете сил и лишь недавно возглавил кафедру древней истории Берлинского университета — но, вопреки ожиданиям молодого русского ученого, Моммзен в 1862 г. читал не общий курс римской истории, а лишь специальный курс о Плинии Старшем. Более же всего для своего дальнейшего университетского преподавания Герье вынес из семинаров Р. А. Кепке (у которого на пару лет раньше учился и Ешевский). «Большой новостью был для меня исторический семинарий у профессора Кепке с изучением средневековых источников, и моим первым делом в Москве была организация подобного семинария, который отлично прижился у нас»²³. Тем самым, по воспоминаниям Герье, импульс к созданию его знаменитого семинара в Московском университете был получен непосредственно из Берлина.

В то же время, по мнению Герье, берлинские историки слишком увлеклись критическим анализом источников и его техникой: они делали хорошие комментарии к хроникам, но не писали историю. Воспитанный на традициях господствовавшей в Берлине в 1830–1840-х гг. немецкой философии истории в передаче Грановского и Кудрявцева, Герье был буквально поражен тем фактом, что «даже сын самого Гегеля теперь довольствуется тем, что в одном провинциальном университете собирает материалы для скучной истории немецких городов XIV и XV столетия»²⁴.

Напротив, Гейдельберг понравился Герье в научном отношении значительно больше Берлина — и именно потому, что память о великой немецкой классической философии здесь была значительно сильнее, а его ведущий профессор-историк Л. Гейссер, ученик Шлоссера, читал лекции, излагая результаты собственных трудов доступно и красноречиво, словно парламентский оратор.

Неудивительно, что для учеников В. И. Герье, готовившихся к профессуре, пребывание в Берлинском университете уже не имело того решающего значения для профессиональной подготовки, как для предшествующих поколений русских историков. Собственно говоря, длительное время в Берлине находились только П. Г. Виноградов, Р. Ю. Вишпер и М. С. Корелин. Последний сразу по приезде стал ходить на большое количество лекций и в основном посвящал свое внимание этому, но затем быстро переключился на другие вопросы. Главный интерес в университетских занятиях для Корелина составляли не лекции, т. е. их фактическая или концептуальная сторона, а лекторы, которые их читали. Корелин писал, что Берлинский университет «привлекает свободой преподавания, но опять не удовлетворяет вследствие элементарности курсов»²⁵,

«хожу на лекции больше для профессоров, чем для науки»²⁶. Для Корелина скорее важно было отметить общее отношение профессоров к науке и их манеру читать лекции, чем воспринять их конкретное историческое содержание.

Виноградов также начал обучение в Германии с Берлинского университета, но гораздо большее значение для него получило последующее посещение лекций в Бонне, где он у профессора А. Д. Шефера прошел подготовку по курсу греческой истории — тому курсу, преподавание которого Герье планировал ему поручить в Московском университете. Шефер действительно был значительным и даже уникальным в своем роде специалистом по древнегреческим источникам, и на этом примере видно, как благодаря наличию такого специалиста меняется место Боннского университета в маршрутах подготовки русских профессоров-историков. Если Погодин и Соловьев навещали его проездом (Погодин, впрочем, подробно описал достопримечательности Боннского университета и беседы с местными профессорами в письме-отчете, опубликованном в «Журнале Министерства народного просвещения»), то спустя четверть века Герье заканчивает здесь свое образование перед тем, как принять кафедру в Московском университете. В 1870-х гг. для Виноградова — это уже один из важнейших немецких центров исторической науки, а в 1890-х С. А. Котляревский выбирает Боннский университет в качестве отправной точки для стажировки в Германии.

С другой стороны, для московских историков так и не стал важным центром Мюнхенский университет: Погодин заезжал сюда в 1835 г. исключительно для того, чтобы повидать читавшего там тогда лекции Ф. В. Шеллинга²⁷, Соловьев увидел в Мюнхене лишь «великолепные дворцы, построенные среди пустырей», куда «путешественники съезжаются со всех концов Европы любоваться на редкости, а народ плачется на налоги»²⁸. В середине 1880-х гг. Корелин и Вишпер наконец оценили Мюнхен, но не столько его университет, сколько богатые собрания источников и литературы в королевской библиотеке, которые позволяли широко разрабатывать темы будущих магистерских диссертаций. В 1897 г. к этому мнению присоединился и С. А. Котляревский: в Мюнхене для своей диссертации он работал с папскими регестами, касающимися отношений Рима с различного рода орденами²⁹.

Сходным образом развивалось и отношение московских историков к пребыванию в Вене. Прибывшему туда в 1838 г., после Берлина, Грановскому Вена не понравилась, в ней все было неподвижно и напыщенно, а безжизненность, по Грановскому, совпадала с отжившими формами. Людей, соответствующих богатому архитектурному прошлому города, здесь не было³⁰. Удивительно, но почти в тех же словах спустя полвека описывает Вену и ее научную среду Корелин: ему там «становится скучно после Берлина. Политической и общественной жизни здесь почти совсем не видно», университет, несмотря на внешнее благолепие, в научном плане очень слаб, «в библиотеках порядки ужасные» (Корелину с трудом удавалось находить нужные книги, а иногда приходилось

давать деньги работникам, чтобы они ему помогли)³¹. Ему вторил Виппер, который «пребыванием в Вене остался недоволен: дорого, общественная и политическая жизнь крайне бедна в сравнении с тем, что дает Берлин, университет (говорю, разумеется, только о нашем факультете) прямо позорен для такого центра. В Вене должно быть хорошо туристу, а не нашему брату»³². И только С. А. Котляревский нашел пребывание здесь удовлетворительным (хотя и не вполне удобным), собирая средневековые источники для диссертации.

Во второй половине XIX в. московские историки перестали посещать Прагу, хотя на первом этапе поездок, в 1830–1840-е гг. она весьма их привлекала — но, опять-таки, не столько благодаря своему университету, сколько из-за интереса к истории западных славян в целом. Грановский очень хотел посетить этот центр славянского возрождения, чтобы поговорить с местными авторитетными учеными (среди которых на первом месте стоял П. Й. Шафарик), и, возможно, не без их влияния была сформулирована тема его магистерской диссертации. Соловьев, два года подряд посещавший Прагу, по совету Шафарика начал писать «Краткую историю славянства», которую, впрочем, до конца не довел³³.

И наоборот, именно во второй половине XIX в. одним из главных, новым в сравнении с предшествующим периодом центром подготовки московских историков становится Париж. Первым здесь в конце 1842 г. оказался С. М. Соловьев, который смог высоко оценить местную инфраструктуру для занятий наукой и за долгое время, проведенное во французской столице в качестве гувернера семьи А. Г. Строганова, много раз бывал на лекциях парижских профессоров. Но в 1870–1890-е гг. пятеро из шести учеников Герье (кроме П. Г. Виноградова) уже осознанно избрали Париж основным местом своих научных занятий при работе над диссертацией.

В 1877 г. Н. И. Кареев, получивший после успешной сдачи магистерских экзаменов стипендию Министерства народного просвещения, сразу выехал во Францию, минуя немецкие университеты. В Париже он в первую очередь приступает к работе в двух библиотеках (Национальной и св. Женевьевы), а также в Национальных архивах, где его привлекают как печатные материалы, так и огромная масса неопубликованных источников по истории французского крестьянства XVIII в. Из парижских учебных заведений Кареев предпочитает лекции в *École Normale*³⁴. Р. Ю. Виппер в 1886 г. также слушал лекции в Сорбонне и в Коллеж де Франс и занимался в библиотеках, а для М. С. Корелина посещение лекций становится главным занятием в Париже с мая по август 1887 г. Оно позволило ему не только ближе познакомиться с французскими историками, но и сформулировать собственные взгляды на историческую науку, причем отталкиваясь от негативных впечатлений: «Мне не нравится общий характер здешней науки (говорю только о наших отраслях): очень уж она литературна, чтобы не сказать фельетонна. <...> Что особенно печально, у французов были некогда Токвиль и Гизо, которые умели соединять широту горизонта и глубину мысли с основательностью исследования, а теперь я не знаю, кого

им можно противопоставить»³⁵. Таким образом, именно в Париже перед Корелиным остро встала проблема идейности и концептуальности исторического исследования, и этот вопрос, по его мнению, должен был стать главным в его диссертации.

Визиты же П. Н. Ардашева и С. А. Котляревского в Париж в 1897–1898 гг. были в первую очередь связаны с работой над источниками. Ардашев с восхищением писал учителю: «В Париже, куда я направился прямо из Петербурга, мне посчастливилось найти неистощимые и почти нетронутые залежи интересного и ценного для моей темы архивного материала», причем, чтобы добраться до него в Национальном архиве Франции и провести исследование этих источников, потребовалось немалое умение и упорство в силу несовершенства инвентарных описей (столь же упорно Ардашев обрабатывал и рукописное собрание Национальной библиотеки)³⁶. Котляревский стал первым учеником Герье, которого зачислили в качестве вольнослушателя в Школу хартий в Париже, где он брал курсы палеографии и дипломатики, высоко оценивая там именно выработку профессиональных навыков историка³⁷.

Эти примеры показывают, что к концу XIX в. у московских историков меняются в том числе и требования, которые они предъявляют к своей подготовке за рубежом, и сам характер их обучения, который эволюционировал в сторону все большей специализации. Характерно в этом смысле, что и Ардашев, и Котляревский уже не обращаются к слушанию общих курсов и даже не выделяют особо имена своих преподавателей, т. е. не относятся к ним как к наставникам, а общаются на равных.

Стоит остановиться еще и на характеристике ответного взгляда на московских историков, командированных за границу, со стороны университетской ученой среды, куда они попадали, и вообще на вопросе, в какой мере они оказывались включенными в эту среду. Уже в 1830-х гг. этот вопрос представлялся важным, как прекрасно показывают письма Т. Н. Грановского. Из них видно, насколько существенным для него стало именно личное общение с профессором К. Вердером и как пылко последний подходил к своей задаче — учить и просвещать ученых из далекой северной России. Прекрасной характеристикой отношения Вердера к русским ученикам служит его письмо, написанное Грановскому в середине сентября 1838 г. Отвечая на сетования того о невозможности свободно говорить по-немецки, Вердер восклицает: «Да будем же мы все говорить одним языком — языком человечества, доброго, исполненного надежд, терпеливого, ненасильственного! Общий дух, который нас ведет, развяжет нам речь — а Вам также и немецкую»³⁸. В ходе диалогов со своими новыми друзьями немецкий профессор признавал их равными себе и готов был верить в прекрасное будущее русской науки.

Другой пример подобного рода можно почерпнуть из отчетов С. В. Ешевского: гейдельбергский профессор К. Б. Штарк позволил ему ходить на лекции бесплатно, заметив, что запись на лекции существует только для студентов,

а не для коллег по кафедре (стоит добавить, что Штарк в свое время слушал лекции в Берлинском университете вместе с П. М. Леонтьевым, о котором спрашивал Ешевского в частных беседах).

Н. И. Карееву во время его командировки в Париж удалось не только завести близкие связи со знаменитым историком-антиковедом Н. Д. Фюстель де Куланжем, лекции которого он посещал, но и попытаться напрямую соединить своего учителя В. И. Герье с профессорами и институциями европейской науки. Фюстель де Куланж проявил к этому живой интерес: получив от Кареева адрес Герье, он обратился к тому с просьбой принять участие в деятельности организуемого им ученого общества³⁹.

Конечно, не всегда отношения московских историков с заграничной университетской средой складывались идеально: например, П. Г. Виноградов не раз сетовал на местных студентов, сталкиваясь с «неприятными чертами немецкой подрастающей учености», и особенно с «презрительной снисходительностью, с которой смотрят на русского полуварвара»⁴⁰. Но уже М. С. Корелин, судя по его отчетам, смог преодолеть эту отчужденность — он осознанно захотел «основательно познакомиться с научными корпорациями студентов и выбрал научные с особенной целью <...> Свой отдых даже стараюсь утилизировать в этом смысле: обедаю в немецкой компании»⁴¹.

Таким образом, анализ заграничных командировок ученых-историков Московского университета выявил значительные изменения в этом институте подготовки профессоров на протяжении XIX в. От «казусного», практически случайного характера командировок, свойственного 1830–1840-м гг. в середине XIX в. происходит переход к целенаправленному отбору кандидатов. Первоначально инициаторами командировок выступало университетское начальство (попечитель университета или министр), но затем возникает новая система, при которой ведущую роль в организации командировки играет учитель, который выбирает своих учеников и определяет программу их обучения за границей. На раннем этапе, до середины XIX в., среди командируемых находились представители кафедр как русской, так и всеобщей истории, но во второй половине XIX в. за границу посылают только всеобщих историков. При этом для раннего этапа характерно преобладающее влияние Берлинского университета на русскую историческую науку, но позднее таких центров подготовки станет больше, и к концу века на одно из первых мест выдвинется Париж.

Развитие исторической науки в XIX в., в особенности в немецких университетах, позволяло русским историкам перенимать новые концептуальные идеи. В то же время научные командировки служили достижению не только учебных и научных целей, но и культурному и политическому развитию историка. Заграничные путешествия сыграли важную роль в формировании научных ориентиров и представлений об актуальных вопросах исторического исследования для нового поколения историков в России. Создалась ситуация, когда во второй половине XIX в. русские историки (особенно П. Г. Виноградов) вошли

в систему сетевых контактов с европейскими учеными, а создавая свои труды, они в том числе откликались на проблематику научных исследований за границей. Установку на то, что инкорпорирование в европейскую историческую науку необходимо для профессионала, ученики Герье в дальнейшем передавали и своим преемникам.

- ¹ В историографии имеются работы, посвященные командировкам отдельных ученых: *Корева Н. С.* Т. Н. Грановский в Берлине (по материалам эпистолярного наследия) // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории. М., 2006. С. 118–137; *Цыганков Д. А.* Заграничные стажировки московских всеобщих историков в последней четверти XIX века // Прикосновение к вечности: сборник статей. М., 2017. С. 220–246.
- ² *Свешников А. В.* Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX — начала XX века // Расписание перемен. Очерки истории образовательной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 849–887.
- ³ *Иванов А. Е.* Ученое достоинство в Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016. С. 229–276.
- ⁴ *Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М., 2005. С. 282.
- ⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 84. Л. 2 об — 3.
- ⁶ *Петров Ф. А.* М. П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995. С. 54.
- ⁷ *Станкевич А. В.* Тимофей Николаевич Грановский. М., 1869. С. 49.
- ⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 249. Л. 1, 4, 7–8.
- ⁹ Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1843. № 10. Отд. 1. С. 35.
- ¹⁰ Центральный государственный архив Москвы (далее — ЦГА Москвы). ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 27. Д. 753.
- ¹¹ *Иванов А. Е.* Ученое достоинство... С. 245.
- ¹² Сборник постановлений по МНП. СПб., 1871. Т. 4. Стб. 444–446.
- ¹³ *Иванов А. Е.* Ученое достоинство... С. 309.
- ¹⁴ ЖМНП. 1835. № 9. С. 546.
- ¹⁵ *Carli G.* Russische Reisende und Studiosi in Berlin. Mitte bis Ende der 30er Jahre des 19. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slavistik. 1987. Bd. 32, no. 4. S. 541.
- ¹⁶ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 395.
- ¹⁷ *Грановский Т. Н.* Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 272–275.
- ¹⁸ Письма П. Н. Кудрявцева из-за границы (1845–1847) // Русская мысль. 1898. № 1. С. 22–23, 27; № 5. С. 117.
- ¹⁹ *Соловьев С. М.* Первые научные труды. Письма. М., 1996. С. 96.
- ²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 32. Ед. хр. 103. Л. 24.
- ²¹ ЖМНП. 1836. № 7. С. 204.
- ²² Письмо С. В. Ешевского К. Н. Бестужеву-Рюмину // Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики. М., 1997. С. 291–292.
- ²³ *Герье В. И.* Автобиография // НИОР РГБ. Ф. 70. Л. 9.
- ²⁴ *Герье В. И.* Очерк развития исторической науки. М., 1866. С. 85.
- ²⁵ Письма М. С. Корелина // Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 255.

- ²⁶ Письма М. С. Корелина. С. 254.
²⁷ ЖМНП. 1836. № 7. С. 207.
²⁸ Соловьев С. М. Первые научные труды. С. 86.
²⁹ НИОР РГБ. Ф. 70. Картон 45. Д. 62. Л. 4.
³⁰ Грановский Т. Н. Публичные чтения. С. 308.
³¹ Письма М. С. Корелина. С. 264.
³² Письма С. А. Котляревского // Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. С. 321.
³³ Соловьев С. М. Первые научные труды. С. 70.
³⁴ Письма Н. И. Кареева // Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. С. 110–112.
³⁵ Письма М. С. Корелина. С. 282–283.
³⁶ Письма П. Н. Ардашева // Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. С. 353–356.
³⁷ Письма С. А. Котляревского. С. 389.
³⁸ Ziegenggeist G. Neue Zeugnisse über Turgenew und den “russischen Kreis” in Berlin (1838–1840) // Zetischrift für Slavistik. 1987. Bd. 32, no. 3. S. 390.
³⁹ Письма Н. И. Кареева. С. 115.
⁴⁰ Письма П. Г. Виноградова. С. 169.
⁴¹ Письма М. С. Корелина. С. 254.

References

ANDREEV, A. YU. *Russkie studenty v nemetskikh universitetakh XVIII — pervoi poloviny XIX veka* [Russian Students in German Universities of the 18th — First Half of the 19th Century. In Russ.] Moscow, Znak, 2005. 432 p.

CARLI, G. Russische Reisende und Studiosi in Berlin. Mitte bis Ende der 30er Jahre des 19. Jahrhunderts. In *Zeitschrift für Slavistik*. 1987. Bd. 32. No 4, s. 541.

IVANOV, A. E. *Uchenoe dostoinstvo v Rossiiskoi imperii. XVIII — nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavatelei vysshei shkoly*. [Academic Dignity in the Russian Empire. XVIII — Early XX Century. Training and Scientific Certification of Professors and Teachers of Higher Education. In Russ.] Moscow, Novyi khronograf, 2016. 648 p.

KOREYEVA, N. S. T. N. Granovskii v Berline (po materialam epistolyarnogo naslediya) [T. N. Granovsky in Berlin (Based on the Epistolary Heritage). In Russ.]. In Repina L. P. (Ed.) *Timofey Nikolayevich Granovskiy: ideya vseobshchey istorii*. Moscow, 2006. P. 118–137.

PETROV, F. A. M. P. *Pogodin i sozhdanie kafedry rossiiskoi istorii v Moskovskom universitete* [M. P. Pogodin and the Creation of the Department of Russian History at Moscow University. In Russ.] Moscow, 1995. 157 p.

SVESHNIKOV, A. V. *Pravitel'stvennaya politika v sfere zarubezhnykh komandirovok russkikh uchenykh vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [Government Policy in the Field of Foreign Business Trips of Russian Scientists of the Second Half of the 19th — early 20th Centuries. In Russ.]. In Dmitriev A. N. (Ed.) *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noi politiki v Rossiiskoi imperii — SSSR (konets 1880-kh — 1930-e gody)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. P. 849–887.

TSYGANKOV, D. A. *Professor V. I. Ger'ye i yego ucheniki*. [Professor V. I. Guerrier and His Students. In Russ.] Moscow, ROSSPEN, 2010. 501 p.

TSYGANKOV, D. A. *Zagranichnye stazhировки moskovskikh vseobshchikh istorikov v poslednei chetverti XIX veka* [Foreign Internships of Moscow General Historians in the Last Quarter of the 19th Century. In Russ.]. In Posternak, A., Zakharov, G. E. (Eds.) *Prikosnovenie k vechnosti. Sbornik statei*. Moscow, 2017. P. 220–246.

ZIEGENGEIST, G. *Neue Zeugnisse über Turgenew und den “russischen Kreis” in Berlin (1838–1840)*. In *Zetischrift für Slavistik*. 1987. Bd. 32, no 3, s. 390.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. Командировки московских историков в европейские университеты XIX века // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 48–61

Аннотация: Предметом изучения в статье служат научные командировки, во время которых молодые историки Московского университета проходили дополнительную подготовку, а также занимались самостоятельными исследованиями при европейских научных центрах, и в первую очередь — университетах. В статье разобраны вопросы организации таких командировок в 1830–1890-е гг., выбор маршрутов, предпочтительные места пребывания московских историков и характер их занятий там. Особо выделен вклад в инициирование и организацию поездок со стороны университетского начальства (попечителей), а также отдельных профессоров, таких как В. И. Герье. На основании отчетов, посылаемых ими в Россию, а также личной переписки делается вывод о степени восприятия ими концепций зарубежной науки, о том, в какой мере они сами в ходе этих поездок оказывались включены в европейскую университетскую среду.

Ключевые слова: Московский университет, профессора, история, командировки, Берлин, Гейдельберг, Бонн, Париж.

FOR CITATION

A. Yu. Andreev, D. A. Tsygankov. Scientific trips of Moscow historians to European universities of the 19th century // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 48–61

Abstract: The subject of study in the article is scientific trips, during which young historians from Moscow University underwent additional training and engaged in their own research at European scientific centres, primarily at universities. The article addresses the organisation of such trips during the 1830–1890s, the selection of routes, the preferred destinations for Moscow historians, and the nature of their activities there. The article goes on to discuss the role of university authorities (curators) and history professors, such as V. I. Guerrier, in the initiation and organisation of these trips. Drawing upon a comprehensive array of sources, including reports sent back to Russia and personal correspondence, it is concluded that Moscow historians embraced the concepts of world science, and that they, to a certain extent, were themselves integrated into the European university environment.

Key words: Moscow University, professors, history, scientific trips, Berlin, Heidelberg, Bonn, Paris.

Автор: Андреев, Андрей Юрьевич — д. и. н., профессор, профессор кафедры истории России XIX — начала XX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Москва — Томск, Россия).

Author: Andreev, Andrei Yurievich — Prof. Dr., Dr. of Sciences (History), professor at the Department of Russian History in the 19th and the beginning of the 20th centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; leading researcher at the Laboratory of Socio-Anthropological Research of the Faculty of Historical and Political Sciences National Research Tomsk State University (Moscow — Tomsk, Russia).

E-mail: andrv@hist.msu.ru

ORCID: 0000-0001-7075-6637

Автор: Цыганков, Дмитрий Андреевич — д. и. н., доц., доцент кафедры истории России XIX — начала XX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Author: Tsygankov, Dmitrii Andreevich — Ass. Prof., Doctor of Sciences (History), ass. professor at the Department of Russian History in the 19th and the beginning of the 20th centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: tsdm@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3005-503X